

1. Не является ли нахождение тайных троп, прояснение загадок на основании неопубликованного Набоковым, нарушением авторской воли? Или, посмотрев на это с другой стороны, можно ли сказать, что оставленный Набоковым архив также является частью его умысла, который разрастается, все более вбирая в себя затекстовую реальность. Как мы знаем, этот прием уже был опробован в прозе (фигуральные авторские рецензии, комментарии и т. д.)?

Doesn't a researcher's attempt to use the material unpublished by Nabokov to discover secret paths through the text or figuring out Nabokovian "codes" break the authorial intent? Or, to put it differently, can we say that the archive Nabokov left for us is also a part of his design – the kind of design that grows by gradually incorporating reality beyond the text. As we know, Nabokov introduced the notion of this device through his fictional book reviews, commentaries, and so on.

2. Допускает ли, с твоей точки зрения, наличие конкретной архивной подсказки для интерпретации мотива иное его толкование? Например, такое, основанием к которому является интертекстуальный анализ?

Does the existence of an archival prompt, which leads to a specific interpretation of a motif, allow us to consider as valid all of its other interpretations, including those grounded in intertextual analysis?

3. Работа с архивами в известной степени дает ответ на вопрос, возникающий, как мне кажется, у всех читателей Набокова. Пытаясь раскрыть набоковские загадки, коды, найти интертекст, пересечение мотивов, значение игры слов, композиционного повтора и т.д. профессиональный читатель Набокова (во всяком случае я) нет-нет да и спросит текст – неужели это все так задумано, неужели автор построил все так, чтоб мы бесконечно искали какие-то ловушки, улики и подсказки, разгадывали авторские ребусы? Что касается читателя-любителя, то он, наслаждаясь текстом, ловит себя на том, что вовлечен в игру, смысл которой может так и остаться для него непонятным. Набоковский текст говорит нам, что в нем нечто зашифровано и вызывает к поискам кода. Причем в отличие, скажем, от текстов символистов: это нечто носит конкретный характер – имя, фраза, ответ на вопрос. Подчеркнем, что упрятывание конкретного – это загадывание загадки, а не сокрытие тайны.

Твое исследование, наряду с другими, но с особой убедительностью, которую дает опора на архив, подводит нас к мысли: загадывание и разгадывание загадки – маскировка и запрятывание детали и, с другой

стороны – нахождение ее, решение головоломки – есть для Набокова некий эзотерический акт, ведущий к постижению тайны мироздания.

Согласна ли ты с данной интерпретацией загадки и можно ли сказать, что усиление этой тенденции есть одна из характеристик набоковской эволюции?

Working with the archives, to a certain extent, provides an answer to the question that arises, it seems to me, for all readers of Nabokov. Trying to unravel Nabokov's riddles, codes, to find the intersection of motifs or the meaning of his wordplay, etc., a professional reader of Nabokov asks whether it was really intended to be this way. Has the author constructed everything in such a way so that we should endlessly search for textual traps, look for clues and hints, solve the author's riddles? An amateur reader, while enjoying the text, realizes that he or she is involved in a game, the meaning of which may remain incomprehensible. Nabokov's narrative thus tells us that something is encrypted in it and summons the readers to search for a code. And unlike, say, the Symbolists' texts, the implied solution appears to be rather concrete. It could be a name, a phrase, or an answer to a character's question. I want to emphasize that in this case, Nabokov's hiding this specificity is an act of composing a riddle, rather than that of concealing a mystery.

Your research, along with others, but with a special persuasiveness provided by your reliance on the archive, leads us to the idea that posing and solving a riddle – Nabokov's masking and the hiding of a detail and our subsequent finding it or solving a puzzle – is for Nabokov a kind of esoteric act which may lead to the our grasping the mystery of the universe.

Do you agree with this interpretation of his commitment to textual riddles, and can we say that the intensification of this tendency is one of the characteristics of the Nabokovian evolution?

4) Можно ли сказать, что знакомство с архивным слоем в ряде случаев дает нам ключи к тому, что называют «психологией творчества»? В «Тайнописи», благодаря анализу дневника и писем определенные черты поэтики и их развитие связываются с приемами самозащиты, обретения некоего убежища от жизненных бурь в собственных персонажах. Ты можешь это прокомментировать?

Can we say that our exposure to the archives sometimes gives us the keys to what is called “the psychology of one's creativity”? After all, in *Secret Writing*, your analysis of the diary and the letters helps associate certain poetic features of literary texts and their further development with Nabokov's self-defense mechanisms, or, rather, his discovering a form of

“asylum” from the tragedies of life in or through his own characters. Can you comment on that?